Родина моя, Седанка

Я родилась в селе Седанка. Представленный материал об истории родного села посвящаю памяти моих земляков, моим дорогим маме Надежде Ульяновне Толман и отцу Ивану Валентиновичу Екину, а также моей родственнице по Федотовской линии, создателю и редактору газеты «Аборигеи Камчатки» Валентине Ивановне Успенской.

К 1940-му году в районе нынешней Седанки, на месте, которая называется Старая контора, или Старое правление, появились первые юрты. Это были первые оседлые жилища оленеводов кочевий территорий Седанки-Оседлой и Кульков. Колхозов еще не было, были товарищества. Оленеводов приучали к овощеводству. С Напаны приезжал Давид Арефьев, разработали поле, на котором стали сажать турнепс. Первые жители села ходили обрабатывать турнепсное поле со Старой конторы. Поле находилось в районе нынешней Седанки. Это то место, где в последствии жгли пионерский костер в День пионерии, сейчас там находится приусадебное хозяйство Ширякина-Инылова. С объединением товариществ образовался колхоз имени Кирова, а местоположение села изменилось — построили юрты и землянки в районе нынешней Седанки. Село называли Седанкой-Кочевой. Здесь обосновались оленеводы из Кульков - колхоза «Каюю».

В1961 году меня приняли в пионеры. Мы помогали старожилам. Запомнилась единственная в селе землянка, где жила старая бабушка - первая жительница села. Она ни за что не хотела переходить в деревянный дом, мальчики рубили дрова, а мы заносили дрова в землянку. В землянке тускло светил жирник, устройство было убогое: столик из досок, топчан и печурка.

В начале сороковых годов Сергей Иванович Пасечник с Тигиля на лошади проезжал мимо Седанки-Кочевой. Его отправляли работать в Утхолок пионервожатым. При встрече он вспомнил, что тогда в Седанке уже стояло несколько махоньких деревянных домиков, в том числе и магазинчик. Ночуя под открытым небом, на ровном месте хорошей поляны, Семен Иванович разжег большой костер, т.к. к его удаче он нашел недалеко от поляны крупные обугленные дрова большого кострища. Позже ему объяснили, что он взял на дрова остатки похоронного костра.

Старожилы вспоминают, что первые деревянные домики стояли в районе нынешнего дома врача и дома, где жила Кегеляпова Галя. Таппи Акиевич Икавав с юмором вспоминал, что груз для магазина зачастую привозили вечером. Разгружались у закрытого магазина и спокойно оставляли груз на ночь. Спирт привозили в бочке. Бочка так и стояла на улице у магазина. Коряки приходили покупать спирт с чайниками, кастрюльками, ковшами. Таппи старался оказаться у бочки помогать разливать спирт. «Я прильну к шлангу, высасываю спирт и несколько глотков выпью бесплатно», — смеялся Таппи.

Он и Каватта Отапович Авинов были первыми плотниками-строителями. Плотницкому мастерству их учил Александр Васильевич Качкуркин. Его дети выучили корякский язык и легко общались со сверстниками. Лес сплавляли сами. На месте старой банки был бон, где задерживались бревна. Женщины вооружались веревками и вытаскивали бревна из реки Напана. Мужчин было мало, т.к. некоторые оленеводы находились в табунах, но большей частью количество оленеводов уменьшилось в лихие годы репрессий. Большая волна арестов прошла в 37-38-м годах. Обычно представители НКВД появлялись в стойбищах ночью, арестовывали ничего непонимающих невинных кочевников и тут же увозили, не дав проститься с семьей. Таппи вспоминал, что он учился в Напане, где видел наших оленеводов. Их держали за забором, арестованные ходили по кругу. Руки за спиной. Почему-то у каждого были срезаны веревки на малахаях. Таппи предположил при разговоре, что веревки срезали, чтобы оленеводы не повесились, т.к. были случаи, когда кто-то из арестованных приходил к самоубийству.

Первым председателем сельского Совета был Алотов Какко Кечгенайнович. Александра Кечуванта работала секретарем сельского Совета с 41-го по 48-й годы. Работать им было трудно, т.к. плохо знали русский язык, всему учились на ходу. Кечуванта более-менее знала русский язык и умела читать и писать (она училась в школе оседлой Седанки).

Село строилось, во время войны ученики и женщины-активистки собирали облигации «Все для фронта, все для победы!». С этим лозунгом женщины при свете жирников ночи напролет шили меховую одежду для летчиков, собирали средства для выпуска танка. Из Седанки-Кочевой на Усть-Тигиль шли грузы с торбасами, рукавицами, кухлянками, оленьим мясом.

Учитель Виталий Семенович Черепанов проводил с детьми и женщинами военную, строевую подготовку. Вместо винтовок на учениях применяли специально выструганные палки. Об этом вспоминала Александра Якъентовна Яковлева. Она тепло отзывалась о своем первом учителе и о времени детства. Передаю часть ее рассказа: «В 45-46-м годах построилось новое деревянное здание школы напротив нынешней почты. Мы любили нашего первого учителя Виталия Семеновича. Он был очень добр и заботлив. Помню, как он принял меня в пионеры. Я так рада была что мне подарили пионерский значок! На кухлянку он не прицеплялся, и я понесла его домой в сжатой ладошке. Была зима и большой сугроб. Я торопилась домой (мы жили в стороне, где старая больница) показать родителям пионерский значок. Тропинка в сугробе была протоптана плохо. Я неправильно наступила и упала, ладонь разжалась, и значок оказался в глубокой ямке рыхлого снега. Я лихорадочно стала выгребать снег, но значка не было, а ямка становилась все глубже и глубже. Наконец, поняла, что значок не найдется, и громко заплакала. Так с плачем и растрепанными волосами и пришла домой. В августе 1945 года Виталий Семенович добровольно пошел воевать с японцами. Хотя у него была броня. Мы всей школой провожали его. Он уезжал на лошади, мы долго стояли и махали ему вслед на утесе Старой бани, пока лошадь с Виталием Семеновичем совсем не скрылась из виду. Черепанов почти не воевал. Очень скоро мы узнали, что он погиб. Первой об этой вести узнала его жена, т.к. она была телефонисткой. Мы плакали.

Седанкинцы вспоминают первых учителей Логинову Домну Алексеевну, Осипова Николая Яковлева, Черных Сергея Иосифовича, Павлуцкую Анастасию Иовну, Соболеву Марию Иосифовну.

Во время войны прилетел самолет. Мы его видели впервые. Самолет долго кружил над селом, сильно тарахтел. Он навел ужас на сельчан. Все попрятались кто куда. Меня с криком нашел брат Иван, взял меня за руки, и мы побежали прятаться в наш дом от железной птицы.

Я также запомнила первый фильм. С экрана на нас двигался поезд, увеличиваясь в размерах и гудя. Мы все от испуга попадали на пол».

Ветеранами войны в Седанке являются Евгений Афанасьевич Сачков, Михаил Абрамович Коерков, Таппи Акиевич Икавав, Каватта Отапович Авинов. Все они воевали в Курильском десанте на островах Шумшу, Паранушир. Кавата Отапович сопровождал пленных японцев до острова Сахалин. У причала стоял поезд, прямо с корабля японцев усадили в поезд и куда-то увезли.

Седанские оленеводы после репрессий пасли стада малым количеством . На ночные дежурства выходило по 1-2 человека. Война. Голодно. Беда не приходит одна. Появилось много волков и отколов вспуганных оленей. В новом колхозе работали с 6 утра до 7-я вечера. Колхозникам помогали все дети села. Они и трудовые получали. Стали разрастаться сельскохозяйственные поля. Выращивали картофель, репу, турнепс, морковь. Пробовали сажать хлебную культуру. Рос табак. Вырастала кукуруза. Бригадиром была тетя Шура. Фамилии ее не помню. Недалеко от полей была вырыта яма, куда с туалетов вывозили человеческий кал. Раскваш енной жижей удобряли поля. Работали на трудодни. Высчитывали, кто что и сколько сделал. Карманы полеводов были набиты камнями. Считали картофельные лунки и отмечали камушками. Окучивали картофель не тяпками, а вручную: загребали землей картофельные стебли, приподнятую землю аккуратно прихлопывали ладонями для крепости. Вскоре от кала отказались. Пионеры ходили по селу с санками и ведрами — собирали золу для удобрения.

Деньги не получали. С колхозниками рассчитывались овощами от урожая. Ухоженное хозяйство давало большой урожай. Овощи вырастали чистыми и крупными. Особенно удавалась репа. Одну огромную репу даже увезли на всесоюзную сельскохозяйственную выставку на ВДНХ. В Москву с ней ездила Кау Паповна. Вскоре она стала первой дояркой. В 1938 году перегнали несколько коров и телят из Усть-Хайрюзово. С появлением крупного рогатого скота разработались сенокосные угодья. Косили с 6 утра, пока была роса. Ночью стоговали. Женщины старались так, что рвались платья.

На месте нынешней пустой, заброшенной фермы был кирпичный завод. На улице была выстроена огромная печь, врытая в землю. На протопку печи уходило много дров. Кирпич получался крепким, красным-красным. Он пользовался большим спросом. Для кладки печей кирпич увозили в Палану, Тигиль. Через Напану шла санная дорога в Усть-Тигиль. Говорят, что кирпич увозили морским путем в Палану. Глину месил подросток Гена Качкуркин. Он терпеливо кругом ходил с лошадью вокруг глиномешалки. К лошади горизонтально была прикреплена жердь, соединенная с мешалкой. Из кирпича в Седанке было пост роено несколько домов. В 1960-е годы один из этих домов служил столовой школьного интерната. Столовая находилась в районе нынешнего здания сельской администрации.

Сразу же после войны на речке Ланын построили плотину. Женщины носили землю в мешочках с береговой горки. Оконтуривали плотину дерном. Женщины Седанки- Кочевой построили первую и единственную в округе гидростанцию. В домиках загорелись лампочки Ильича. Недалеко от плотины на возвышенности отстроили пилораму. Бревна пилили таким способом: один стоял наверху, другой внизу и длинной пилой распиливалось бревно.

А вшей было! Особенно у детей, и мучила людей трахома. Бани не было. Черепанова Мария Стратилатовна собирала у женщин платья и стирала. Чачаме и Акеева Ивне Акеевна учились шить одежду на машине у Пенизиной Ираиды Алексеевны. С одеждой было трудно. Первая баня была в доме Екатерины Иныловны. К печке поставили бочку. Баранова Екатерина Климова топила печку и зазывала женщин мыться. Кечуванта вспоминала, что когда она пришла в баню в первый раз, она испугалась горячо нагретой комнаты и бурно булькающей воды в бочке. Убежала. Не стала мыться.

Первым председателем колхоза им. Кирова был АлександрФедорович Соболев.

Все перечисленное — это его заслуга. После Соболева председателями колхоза были Вдовин Михаил Фролович, Попов Венедикт, Черепанов Ювеналий Семенович.

Несмотря на трудные годы, Седанка-Кочевая росла и мужала. Оленеводы приходили к цивилизованной жизни.

Н.Толман

Продолжение следует

Родина моя, Седанка

Окончание, начало в №4 (115) от 27.04.2006

29 декабря 1939 года прошли первые выборы. Готовя списки избирателей, присваивали корякам фамилии. Семьям давали фамилии по их дедушкам. Например, был дедушка Алот, родные стали Алотовыми, Акей — Акеевыми, Тулик — Туликовыми, Мимак — Мимаковыми, Авин — Авиновыми.

Но не все фамилии носили родовой характер. Александра Кечуванта «приобрела» фамилию до паспортизации в Оседлой Седанке. Ее звали Кечгевантын, в школе ей дали фамилию. Появились Огородниковы, Ивановы Яковлевы. Надежда Андрияновна Брагина-Лысак из рода Федотовых вспоминает: «Тигильский Запороцкий, бухгалтер, который сидел на расчете, спрашивал, восклицая, счетовода Пантелея Елисеевича Федотова: «А это что за фамилия, это кто из русских притирался к оленеводам? » Пантелей Елисеевич объяснял о личности оленевода с русской фамилией ».

А я вспоминала своих друзей в Хайрюзово. Краевед, заведующая детским садом Елизавета Ивановна Щедрина в девичестве была Соколова. Ее мама Ольга Кучиковна с удовольствием рассказывала, что у их семьи был прекрасный русский друг, который был предан их семье, помогал словами делом. При паспортизации он решил «подарить» своим корякским друзьям свою фамилию «Соколов». Родные Ольги Кучиковны с радостью приняли этот своеобразный подарок. До сих пор нынешние Соколовы бережно хранят память о давнем семейном друге.

В нынешнее время имеется случай, когда муж-украинец взял фамилию жены-аборигенки. Это Инылов Петр Григорьевич. Его фамилия была Широкин. В окружной газете появился перечень представителей сельских советов из числа местной национальности, куда включили и фамилию Инылова Петра Григорьевича.

Имена детям давались по именам родственников. При рождении ребенка вытаскивался аняпель — маленький камушек, который плотно обшивался замшей из оленьей шкуры. К мешочку с камушком подвешивались нити с бусами. Старались нанизывать потяжелее, чтобы при качании нитей амплитуда движения была больше. Как и гичгий, аняпель хранится в потайном месте.

Камушки находили так: при кочевке подбирали приглянувшиеся камушки. На стойбище выбрасывали один камушек далеко-далеко. Если камушек не возвращался, значит, подобрали не тот камушек, бросали другой. Камушки запоминали на вид. Нужный камушек чудом возвращался на стойбище. Его находили, он сам показывался на глаза.

Когда наступало время давать ребенку имя, устанавливалась тренога, наверху в центр треноги привязывалась веревка, на конце которой находился аняпель. Получался маятник. Если рождался мальчик, вспоминали имена умерших мужчин-родственников. Назовут имя, аняпель «молчит», т.е. не двигается. Во время произнесения угаданного имени. веревка с аняпель начинала качаться. Говорят, что «маятник» набирал большую амплитуду движения. Так появлялось родовое имя.

Муж и жена Мимаковы рассказывали с сетованием, что сейчас нет гичгиев, поэтому оленеводы не могут находить отколы оленей. Гичгий — это деревянный охранитель. Он вырезался в виде человечка с небольшим углублением в середине туловища для разжигания огня. Хозяйка юрты бережно хранила гичгий в укромном месте, т.к. он являлся хранителем очага. Когда терялись олени, люди вытаскивали гичгий из укрытия, устраивали его на улице на аргизах, задабривали жиром, обмазав рот, просили найти оленей, надевали на него малахай и уходили на ночь в юрту. Утром у юрты появлялись взмыленные от быстрого бега потерявшиеся олени. Они имели виноватый вид.

Одна русская женщина приехал в Седанку-Кочевую. Когда увидела гичгий, то не поверила рассказу старика, что деревяшка ищет оленей. Старик рассердился и сказал женщине: «Если не веришь, то сама уйди далеко и заблудись, гичгий найдет тебя». Женщина была смелой, согласилась, ушла далеко в незнакомые места, устала, села, прислонилась к березе, долго ли, коротко она сидела, но вдруг почувствовала толчок в спину. Оглянулась: никого нет. Толчки настойчиво продолжались, женщина побежала, а сзади ее все кто-то толкал. Так она и прибежала в село.

Однажды в оленеводческое стойбище заехал на собаках путник. Угостившись мясом и чаем, поехал дальше. Он ехал на большой скорости. На крутом повороте нарты перевернулись, и каюр упал. А собаки с нартой убежали. На стойбище почувствовали что-то неладное, попросили гичгий помочь. Через некоторое время к каюру прибежали собаки.

Оленеводы — природные люди. Они очень бдительны. Например, чутко прислушиваются к крику птиц. Краевед Елизавета Ивановна Шадрина рассказывала: чумработница, услышав «особый» крик вороны, понимала - к юрте идет человек. Отрывалась от шитья и начинала хлопотать о еде. Когда путник заходил в юрту, у хозяйки уже было готово сваренное мясо и вскипячен чай.

Старожилы рассказывали легенды о появившихся в 40-50-х годах странных чудовищах. Они были с коричневой шерстью, похожими на людей. Акеева баба Лена называла их по-корякски с переводом на русский язык как «превращающийся в кочку», потому что при появлении человека чудовища сворачивались так, что была видна одна спина, маскировались под кочку. Жители Оседлой Седанки называли их свистунами, говорили, что чудовища перекликались друг с другом пронзительным свистом. Они заходили даже в село. Обычно они это делали с наступлением темноты. Говорят, что чудовища повадились подходить к балаганам: исчезала юкола. Чудовище держали всех в страхе. Люди закрывали окна на ставни и сидели в домах в темноте, свет не зажигали, а дети прятались под кровать. Женщины боялись выходить в лес за ягодой в одиночку. Ходили в лес группами, их охраняли мужчины с ружьями.

Одна из тигильчанок рассказывала мне о встрече с чудовищем у родника по дороге на кладбище. Шерсть у него была с примесью зеленого цвета, а глаза красные. Паланский житель тоже вспомнил о встрече с таким чудовищем. Школу в Кинкиле закрыли, и дети стали учиться в Лесной. Рассказчику было тогда лет 13. Река Лесная имеет классическое устье с огромным рукавом. На рукаве было много рыбалок с балаганами. Мальчик пошел к рыбалке. Вдруг он увидел вблизи странного человека в шкуре, который сидел над ручьем и болтал ногами. Ноги у него были очень длинными. Когда они встретились глазами, на мальчика напал ужасный страх. Он опрометью метнулся от странного незнакомца. Несся, как ветер, ноги бежали сами собой. Рассказывающий отметил, что никогда в жизни не бегал так быстро, как в тот раз. В Лесной он рассказал мужчинам о «меховом» человеке, но ему никто не поверил, подняли на смех. С тех пор тот паланец никому больше не рассказывал о случившемся с ним, но на всю жизнь запомнил пережитый ужас от встречи с «пришельцем».

Я заинтересовалась этим, читала литературу. Один из камчатских писателей описал встречу в лесу с подобным человеком. Он шел по тропе и чувствовал тревогу, но скорость не сбавил и продолжал идти. Впереди он увидел куст, из-за куста на него кто-то смотрел, глаза большие, красные. Писатель отметил, что взгляд встреченного за кустом имел большое психическое влияние, он был им парализован, стоял на тропе. Расстались мирно. Писатель вернулся назад, кругом обогнул тропу и в нехорошем волнении продолжил свой путь. Наконец, в одном из журналов нашла материал о Якутии. Оленевод рассказывал о глухих местах, где встречаются люди со шкурой. В народе их называют «снежный человек». Возможно, в наших глухих местах того времени было нашествие снежных людей. Во всяком случае, Надежда Савватьевна Яганова из рода Федотовых (Федотовы населяли Седанку-Оседлую) сказала, что им пришлось оставить родные места и переехать в Тигиль большей частью из-за наступившей тревожной жизни в отдаленном уголке.

Н.Толман